

СИТУАЦИЯ КРИЗИСА И СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Н.В. Анненкова

Описан ряд особенностей жителей России в условиях нестабильности и экономического кризиса, которые проявляются в повышении эгоцентрической направленности личности и могут быть описаны следующими эгоцентрическими феноменами: неуязвимость, уникальность, воображаемая аудитория, всемогущество. Особенности переживания данных феноменов зависят от статуса и ощущения собственной идентичности и индивидуальной истории людей.

Ключевые слова: нестабильность, кризис, идентичность, статусы идентичности, эгоцентризм, эгоцентрическая направленность личности, неуязвимость, всемогущество, уникальность, воображаемая аудитория, мораторий, предрешенность, диффузия идентичности.

В условиях экономического кризиса с новой силой возникает вопрос о реакции людей на изменения, нестабильность, экономические решения и экономическую ситуацию в целом.

В то же время за последние 20 лет россияне (и без учета кризиса) пережили и продолжают переживать немалое количество изменений и перемен. Например, перестройку, экономическую программу 500 дней, события августа 1991 и октября 1993 годов, приватизацию (зарождение идеи приватизации, ее реализацию и последствия, включая идею пересмотра результатов приватизации), экономический кризис 1991 и 1999 годов и многое другое. Только количество и частота изменений законодательно-налоговой системы являются ярчайшим примером нестабильности российской экономики (здесь мы говорим, в первую очередь, о нестабильности с точки зрения индивидуума, а не с точки зрения системы (в том числе государственной)).

По-видимому, нестабильная экономико-политическая ситуация оказывает существенное влияние на особенности менталитета жителей нашей страны, что с новой силой должно проявиться в условиях мирового экономического кризиса.

Так, средства массовой информации со

ссылкой на те или иные источники периодически рассказывают нам о нетипичном поведении россиян в тех или иных обстоятельствах. Так, согласно данным туристических компаний именно наши соотечественники покупают путевки в места, где произошли какие-то террористические акты или природные катаклизмы, в то время как представители других стран предпочитают либо отказаться от запланированного отдыха, либо более дорогое, но безопасное место.

Объяснение данного феномена исключительно меркантильными интересами россиян оказывается недостаточно убедительным.

Для того чтобы разобраться с поставленными вопросами, нам необходимо определить несколько понятий. Так, например, **нестабильность** будет интересовать нас как период столкновения человека с новым опытом, явлением, необходимость осваивать или переосмысливать новое в ранее знакомых или доселе незнакомых сферах жизнедеятельности.

Нестабильность как специфическая особенность характерна фактически для всех областей нашей жизни: экономики, политики, образования, медицины и пр.

В психологии развития / психологии личности есть несколько понятий, описывающих (или каким-то образом объясняющих) период

Четыре статуса эго-идентичности, описанные Марсиа

Пережит ли кризис?	–	Да	Нет
Принято ли решение?	Да	Достигнутая идентичность	Предрешенность
	Нет	Мораторий	Диффузная идентичность

нестабильности, в том числе концепции идентичности и эгоцентризма¹.

Идентичность представляет собой динамическое образование, внутреннюю структуру, интегрирующую отдельные аспекты личности в единое целое без потери их своеобразия. Данное понятие детально разработал и предал ему научный статус Э. Эриксон, который выделял два аспекта идентичности: я-аспект (образы «я» и ролевые образы индивида) и эго-аспект (синтезирующая функция «эго») (Э. Эриксон, 1996). В рамках данной статьи нас будет интересовать проблема становления идентичности, ее социальный аспект. На поведенческом уровне идентичность может быть рассмотрена как процесс решения жизненно значимых проблем, причем каждое принятое решение относительно себя и своей жизни (самоопределение) будет вносить вклад в формирование структуры идентичности в качестве ее элемента. Один из исследователей идентичности, Дж. Марсиа, предложил концепцию статусов идентичности, базирующуюся на двух критериях: кризис и наличие выбора в соответствии со склонностями личности (J.E. Marcia, 1966, 1980). На основании этих критериев автор определял принадлежность к одному из четырех статусов эго-идентичности (см. таблицу):

- **статус достижения идентичности** относится к людям, пережившим период кризиса и сделавшим определенный выбор в отношении профессиональных и идеологических целей и позиций (наличие и кризиса (в прошлом), и выбора (в настоящем));

- **мораторий** предполагает нахождение человека в данный момент в состоянии кризиса, при слабости и неопределенности его предпочтений, выбирающего между альтернативами (кризис есть, выбора нет);

- **предрешенность** отражает состояние человека, утвердившегося в своих основных ориентациях, при отсутствии признаков (или их незначительности) переживания кризиса (кризиса нет, склонность / выбор есть);

- **диффузия идентичности** определяется отсутствием кризиса и отсутствием или избеганием принятых обязательств и решений (кризиса нет, склонностей / выбора нет).

Статусы идентичности (по Дж. Марсиа) отражают общую логическую последовательность формирования эго-идентичности, что, однако, не означает, что каждый из статусов является необходимой ступенью для последующего. По существу лишь мораторий можно назвать стадией, необходимой предшествующей достигнутой идентичности, поскольку поиск, характерный для этого периода, служит предпосылкой для решения проблемы самоопределения. Иными словами, **становление идентичности, не являясь линейным процессом, связано с наличием у человека определенных целей, ценностей и убеждений; при этом предполагается, что, даже имея в какой-то из областей реализованную идентичность, человек может вновь испытать кризис или вернуться в диффузное состояние.**

Традиционно при становлении идентичности рассматриваются три основные сферы самоопределения, признаваемые всеми исследователями – профессия, религия и политика (J.E. Marcia, 1966). Помимо трех перечисленных сфер некоторые исследователи выделяют дополнительные сферы самоопределения – семья, область межличностных отношений (любовь, дружба).

Понятие идентичности связано, прежде всего, с подростковым (в отечественной периодизации с юношеским) возрастом, но переосмысление значимых для индивида тем, возвращение к кризису идентичности возможно на протяжении всей жизни человека (Э. Эриксон, 1996; Дж.Е. Марсиа, 1975).

Согласно лонгитюдным исследованиям (Дж.Е. Марсиа, 1975; A.S. Waterman, 1982), про-

¹ Данные понятия исторически связаны, в первую очередь, с подростковым/юношеским возрастом. В то же время при столкновении с новым и при необходимости переосмысления нового человек может вновь переживать потребность в самоопределении и «возвращаться» к названному феномену: эгоцентризму и идентичности.

веденным начиная с подросткового возраста и до взрослости, даже находясь в состоянии достигнутой идентичности, человек может вновь вернуться в состояние кризиса или даже диффузии. А. Ватерман высказал идею, что **чувство достижения идентичности разрушается по мере того, как ценности и убеждения теряют свою жизненность**. Если при этом запускается процесс разрешения кризиса, у человека есть возможность вновь достичь идентичности. Если же человек не хочет замечать происходящих изменений и избегает решения новых проблем, необходимости выбора, возникает опасность погрузиться в состояние диффузии.

Данная концепция актуальна для российской действительности. Жители России в целом ряде сфер экономико-политической жизни искусственно поддерживаются в состоянии *моратория* (выбора нет, кризис есть), поскольку социальная реальность непрерывно возвращает их к переосмыслению и новому самоопределению в той или иной сфере экономико-политической жизни. Например, изменение законодательной базы в сфере налогообложения, введение единого государственного экзамена (ЕГЭ). В том случае, если индивид игнорирует происходящие изменения, он в силу сложившихся обстоятельств переходит (по крайней мере, в данной конкретной сфере жизнедеятельности) в статус *диффузной идентичности*. Несмотря на то, что еще некоторое время назад мог быть отнесен к статусу *достигнутой идентичности*.

В случае если индивид (первоначально имеющий статус достигнутой идентичности) сталкивается с необходимостью переосмысления в целом ряде значимых для его идентичности областей / сфер жизни, то общий статус человека может «снизиться» до *моратория, диффузной идентичности* или *пред-решения*.

В ситуации политико-экономической нестабильности, когда ни сфера политики, ни сфера профессии, по сути дела, не могут выступать «тылом», на который может опираться индивид в своем устойчивом самоопределении. Таким образом, из классических сфер самоопределения (признаваемых всеми исследователями идентичности) в качестве ресурса может быть рассмотрена, по-видимому, только **религия**, что мы отчасти и наблюдали (и продолжаем наблюдать) как тенденцию выбора в российском обществе.

Помимо этого в качестве жизненного ресурса могут выступать семья, друзья, любимые, однако, в силу того, что нестабильность российской жизни может серьезно затрагивать ощущение идентичности человека – чувство собственной идентичности в сферах межличностных отношений также может быть существенно изменено, а следовательно, эти области уже не могут выступать как тылы или ресурс для устойчивости чувства собственной идентичности.

Что касается другого понятия – эгоцентризма, описывающего период нестабильности, – оно связано с другими аспектами человеческого самосознания.

Эгоцентризм. Большинство философских энциклопедий и словарей определяют эгоцентризм как негативную личностную особенность, крайнюю степень эгоизма. Психологическая трактовка – иная, она не несет в себе отрицательной моральной оценки, хотя и допускает, что проявления эгоцентризма могут быть и негативными.

Под эгоцентризмом понимается центрированность на себе, связанная с недостаточной дифференциацией (различением) областей реальности (Ж. Пиаже, 1932, 1994; D. Elkind, 1967, 1979). Выделяют аспекты эгоцентризма, имеющие отношение к проявлениям аффективно-личностной сферы (D. Elkind, 1967, 1979; R.D. Enright, D.K. Lapsley, D.G. Shukla, 1980). Это такие понятия, как «воображаемая аудитория», «уникальность», «неуязвимость», «всемогущество».

Воображаемая аудитория. Возникновение феномена связано с подростковым возрастом, с новой открывшейся для молодого человека возможностью думать о том, как мыслят другие люди. По мнению Д. Элкинда, эта возможность (представлять, как мыслят другие люди) сталкивается с неспособностью устанавливать различия между тем, что волнует окружающих и что волнует самого подростка, в результате чего тот постоянно терпит «ошибку восприятия», полагая, что все вокруг поглощено тем же, что волнует его самого, например, собственным его поведением и внешностью. Каждый из взрослых от случая к случаю переживает феномен «воображаемой аудитории», но реакция эта, как правило, кратковременная. Возможно, поведение, являющееся следствием воображаемой аудитории, во взрослом возрасте есть пережиток раннего подросткового периода, к кото-

рому мы все иногда, время от времени, возвращаемся.

Неуязвимость. Человек (особенно в молодом возрасте) считает себя неуязвимым для всевозможных опасностей (различного рода неприятности могут случаться только с кем-нибудь другим), чувствует себя способным преодолеть все трудности на пути к цели, не признает препятствий, не учитывает их.

Всемогущество. Ж. Пиаже определял данное чувство как следствие распространения «рассуждающего мышления» подростка на «область возможного и гипотетического». «Пиаже предполагает, что этот эгоцентризм принимает форму наивного идеализма, склонного к неумеренному увлечению реформами и переустройством мира и отличающегося совершенной уверенностью в действенности своего мышления в сочетании с рыцарским пренебрежением к практическим препятствиям, которые могут встретить выдвигаемые им предложения. В последнем факте и выражается «всемогущество мышления», столь характерное для всякого эгоцентризма» (цит. по Флейвеллу, 1967, с. 297).

Уникальность – индивид переживает свои чувства, мысли, поступки, свою жизненную ситуацию как неповторимую, уникальную, а потому недоступную другим для понимания.

У взрослых, по мнению Ж. Пиаже, проявление центрации субъекта на себе также возможно либо в случае слабости развития у них интеллектуальных структур, либо в случае затруднений при столкновении с незнакомыми, **непривычными объектами и ситуациями**. В первом случае взрослые не способны к координации разных взглядов на объект в принципе, во втором – будет происходить постепенное координирование точек зрения по мере освоения ситуации. Иными словами (согласно Ж. Пиаже) эгоцентризм имеет тенденцию **усиливаться** всякий раз, когда в ходе развития **приходится соприкасаться с чем-то новым**, незнакомой прежде сферой познавательной деятельности. «Взрыв» эгоцентризма постепенно затухает по мере того, как человек осваивается в новой области.

В отечественной психологии в качестве единицы исследования эгоцентризма выделяют эгоцентрическую направленность личности, которая понимается как направленность человека на то, чтобы удовлетворять свои собственные основные желания, чтобы при-

нимать в расчет и отстаивать свои цели, планы, взгляды, без должной координации этих устремлений с другими людьми (Т.И. Пашукова, 2001; Х. Шредер, 1981). В процессе общения направленность оказывает влияние на восприятие человеком самого себя и своих собеседников. Эгоцентрическая направленность мешает полно и адекватно понимать партнеров по общению.

В период возрастных и личностных кризисов, в экстремальных ситуациях и ситуациях затруднений объектом внимания человека оказывается он сам. Если в детстве не сформировалась способность к децентрации, то человек фиксируется на своих состояниях, желаниях, устремлениях, на какой-либо одной задаче, на единственном способе действий. На чем бы ни происходила непреодолеваемая фиксация человека, она ограничивает его познавательные возможности, приводит к трудностям во взаимоотношениях с другими и, возможно, к социальной дезадаптации.

Взаимосвязь эгоцентризма и идентичности². Эгоцентризм носит двойственную роль, в зависимости от субъективных жизненных задач, стоящих перед индивидом в условиях кризиса идентичности: а) защитную, предохраняя «Я» человека от чувства стыда и возможного ущерба, б) ресурсную, открывая перед индивидом новые возможности, позволяя ему сохранить и повысить самоуважение, усилить собственное «Я» (Н.В. Анненкова, 2003, 2004).

Исследования взаимосвязи и взаимозависимости проявлений феномена эгоцентризма и становления идентичности показывают, что особенности проявления и снижение выраженности различных аспектов эгоцентризма связаны с процессом становления идентичности. Так, кризис идентичности (соответствующий статусу «мораторий») сопряжен с усилением выраженности эгоцентрической направленности личности ($p < 0,01$) и всплеском феномена «воображаемая аудитория» (ощущение, будто внимание других приковано к персоне данного человека, и постоянная попытка представить, какое впечатление на окружающих он производит в каждый момент времени), ($p < 0,01$). Достижение идентичности связано, с одной стороны, со снижением, до

² Закономерности проявления эгоцентризма в зависимости от статуса идентичности были получены при исследовании старшеклассников (11 классы московских школ) и студентов 1, 5 курсов МГППУ.

среднего, уровня эгоцентрической направленности личности ($p < 0,05$), а также с существенным снижением проявлений «воображаемой аудитории», чувства собственной неуязвимости и всемогущества ($p < 0,05$). Но, с другой стороны, ему сопутствует яркое, хотя и кратковременное (начальный этап достижения идентичности) переживание собственной уникальности ($p < 0,01$) (Н.В. Анненкова, 2003, 2004).

Пик выраженности переживания собственной неуязвимости приходится на статус предрешения в сфере политики (что, на наш взгляд, наиболее тесно связано с областью экономики и экономико-политической жизни в нашей стране). Наиболее яркая выраженность переживания всемогущества приходится на некризисные статусы – диффузная идентичность и предрешение ($p < 0,05$, для сферы политики) (Н.В. Анненкова, 2003, 2004).

Взаимосвязь описанных феноменов с современной российской действительностью носит, на наш взгляд, двойственный характер. Во-первых, нестабильная жизнь порождает большое количество людей, которых можно отнести к статусу моратория (кризис есть, выбора нет), что, в свою очередь, определяет более высокий уровень эгоцентризма / эгоцентрической направленности личности у жителей России. Как было отмечено выше, связано это с тем, что постоянная необходимость осваивать или переосмысливать новое в ранее знакомых или доселе незнакомых сферах, не дает возможность сделать свой выбор таким образом, чтобы он (выбор) не нуждался в постоянной корректировке продолжительное время. Помимо этого беспокойный характер российской жизни и необходимость постоянного переосмысления в целом ряде областей жизнедеятельности способствует не только увеличению числа индивидуумов, находящихся в состоянии кризиса (статус мораторий), но и людей, относящихся к статусу предрешения и диффузной идентичности («кризиса нет», «выбора нет»), а также индивидуумов, вновь и вновь сталкивающихся с переживанием собственной уникальности в связи с «достижением» собственной идентичности.

Указанные личностные статусы, как было отмечено выше, способствуют проявлению определенных эгоцентрических феноменов, которые, с одной стороны, участвуют в формировании / становлении своеобразной жиз-

ненной позиции жителей России и особенно-стей нашего менталитета. Таким образом, нестабильность российской жизни провоцирует более высокий уровень эгоцентризма / эгоцентрической направленности личности у жителей страны, выступающий как ресурс и в определенном смысле «защита», призванная поддержать индивида и «усилить» его личностную позицию. С другой стороны, данная направленность характеризует эгоцентрический характер мышления россиян (при котором доминирование описанных ниже феноменов зависит от статуса, к которому может быть причислен данный человек):

- неуязвимость;
- уникальность;
- воображаемая аудитория;
- всемогущество.

Так, например, в России в 2004 году, в рамках пенсионной реформы (начатой в 2002 году), гражданам РФ был предложен выбор: разместить сберегательную часть своих пенсионных вкладов в государственном или негосударственном пенсионном фонде. К 2007 году стало понятно, что более 90 % жителей³, участвующих в реформе, не воспользовались возможностью разместить свои сбережения в негосударственных пенсионных фондах, в то время как накопления, находящиеся в государственном пенсионном фонде, теряют свою стоимость в силу ряда причин. По словам авторов реформы, данная проблема связана, в первую очередь, с недостаточно активной позицией жителей России в вопросе самоопределения в отношении управляющей компании. В то же время в свете описанных понятий идентичности и эгоцентризма, данная проблема может быть представлена следующим образом: авторы реформы принимают решение о накопительной части пенсии, при этом существует значимое (как для проведения реформы, так и с точки зрения описываемого подхода) условие – все вклады автоматически отчисляются в государственный пенсионный фонд. При этом желающие могут дать распоряжение о переводе своих накопительных частей в негосударственные пенсионные фонды. И действительно, если с первых дней проведения реформы вкладчики были бы вынуждены самостоятельно определяться с тем, в какой пенсионный фонд раз-

³ По данным СМИ. См. http://www.ng.ru/economics/2006-08-29/4_obman.html.

мешать свои «накопительные части», мы бы столкнулись с искусственным созданием «кризисной ситуации» в данной конкретной сфере жизнедеятельности (кризис есть, выбора нет). С учетом высокого уровня нестабильности нашей жизни, данная реформаторская позиция вряд ли получила бы высокий уровень поддержки. Таким образом, авторы реформы выбрали более «мягкий» вариант, который в описываемом нами подходе соответствует статусу предрешение (выбор есть, кризиса (определения, поиска альтернатив) нет). Согласно исследованиям, для данного статуса характерно переживание собственной неуязвимости – иными словами, большинство людей, невольно вовлеченных в такой формат пенсионной реформы, считают, что в отношении их накопительных вкладов ничего плохого не случится, что-то плохое произойдет с кем угодно, только не с ним. Таким образом, «упрек», который мы услышали от авторов реформы: «граждане оказались слишком пассивны, поэтому лишь около 4 % задействованных в реформе граждан перевели свои средства в негосударственные пенсионные фонды»⁴, – неоправдан с точки зрения психологии участников реформы. Иными словами, авторы пенсионной реформы не учли психологических особенностей жителей России.

Тот же механизм можно наблюдать в бухгалтерской сфере: если генеральный директор, по той или иной причине, решает не разбираться в изменениях, скажем, в налоговой сфере, и полностью доверяет своему главному бухгалтеру – он, по-видимому, переживает некое подобие собственной неуязвимости (что-то плохое может случиться с кем угодно, только не со мной). В случае если гендиректор всякий раз, с введением новых постановлений, переосмысливает сложившуюся ситуацию, он (пусть и кратковременно) проходит период центрации на себе, субъективного ощущения повышения внимания (предположим налоговых органов) по отношению к собственной персоне (или компании), а после успешного переосмысления данного вопроса – кратковременно переживает ощущение собственной уникальности.

В то же время можно предположить, что ряд реформаторов, за последние десятилетия внесших свой вклад в происходящие россий-

ские изменения, в свою очередь, переживали ощущение собственного могущества (всемогущества), при котором эгоцентризму свойственна совершенная уверенность в действенности своего мышления в сочетании с рыцарским пренебрежением к практическим препятствиям, которые могут встретить выдвигаемые предложения. Иными словами, человек искренне верит в то, что разработанная идея / концепция будет способствовать достижению поставленной цели и принесет пользу и радость людям. Однако ограничения, которые несет с собой выдвигаемая идея, видятся автором в уменьшенном виде или не замечаются вовсе. Как если бы автор данной статьи предполагал, что, рассказав людям о влиянии такого социального фактора, как нестабильность, на психологические особенности жителей России, изменил жизнь своих сограждан кардинальным образом: полагая, что с этого момента все законодательные акты в нашей стране, а также дальнейшие изменения и реформы должны и будут учитывать данные особенности.

Что же касается феномена, описанного в начале данной статьи: только россияне, переживающие собственную неуязвимость, могут позволить себе поехать в отпуск в нестабильный регион и чувствовать себя при этом в безопасности. Если указанное поведение российских граждан в определенные периоды времени становится скорее правилом, чем исключением, по-видимому, можно говорить о том, что ощущение собственной неуязвимости (в данный определенный исторический период) характерно для целой группы россиян.

Выводы

Изменение жизненных ориентиров (нестабильность российской жизни) способствует повышению эгоцентризма / эгоцентрической направленности личности жителей России, что, в свою очередь, определяет эгоцентрический характер мышления россиян. Данные особенности могут быть описаны несколькими феноменами, которые могут переживаться людьми последовательно, параллельно или избирательно в зависимости от их индивидуальной истории и их ощущения собственной идентичности: неуязвимость, всемогущество, воображаемая аудитория, уникальность.

В ситуации экономического кризиса можно говорить (как минимум) о повышении эгоцентрической направленности личности жителей России, а также об усилении переживания воображаемой аудитории. Данные феномены могут проявляться, к примеру, в том,

⁴ По данным СМИ. Например, см. http://www.ng.ru/economics/2006-08-29/4_obman.html

что большая часть решений, принимаемых россиянами, будет восприниматься ими как очевидные и «заметные» для окружающих. Например, желание открыть валютный счет может сопровождаться представлением о том, что это тривиальный ход в условиях кризиса, в банках будут немислимые очереди желающих совершить данную процедуру или проценты по валютным вкладам существенно снизятся (что, по сути дела уже произошло).

Если же говорить о проведении реформ, социальных, экономических программ, политических и прочих изменений, проводимых в нашей стране, то они, безусловно, нуждаются в дополнительном учете психологических особенностей российского населения.

Литература

1. Анненкова, Н.В. *Различные аспекты понятия идентичность* / Н.В. Анненкова. – М.: АПК и ПРО, 2003.
2. Анненкова, Н.В. *Динамика соотношения становления идентичности и преодоления подросткового эгоцентризма* / Н.В. Анненкова. – М.: АПК и ПРО, 2003.
3. Анненкова, Н.В. *Динамика соотношения подросткового эгоцентризма и становления идентичности* / Н.В. Анненкова. – М.: АПК и ПРО, 2004.
4. Пашукова, Т.И. *Эгоцентризм: феноменология, закономерности формирования и коррекции* / Т.И. Пашукова. – Кировоград: Центрально-Украинское издательство, 2001. – 338 с.
5. Пиаже, Ж. *Избранные психологические труды* / Ж. Пиаже. – М.: Международная педагогическая академия, 1994.
6. Флейвелл, Д.Х. *Генетическая психология Жана Пиаже* / Д.Х. Флейвелл. – М.: Просвещение, 1967.
7. Шредер, Х. *К дифференциально-психологическому изучению социальной децентрации* / Х. Шредер // *Психологические состояния: экспериментальная и прикладная психология*. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – Вып. 10. – С. 125–131.
8. Эриксон, Э.Г. *Детство и общество* / Э.Г. Эриксон. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
9. Эриксон, Э.Г. *Идентичность: юность и кризис: пер. с англ.* / Э.Г. Эриксон / *Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых*. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
10. Elkind, D. *The child and society. Essays in applied child development* / D. Elkind. – New York: Oxford University Press, 1979.
11. Elkind, D. *Egocentrism in adolescence* / D. Elkind // *Child development*. – 1967. – V. 38. – № 4. – P. 1025–1034.
12. Elkind, D. *Imaginary audience behavior in children and adolescents* / D. Elkind, R. Bowen // *Developmental psychology*. – 1979. – № 15. – P. 38–56.
13. Enright, R.D. *Adolescent egocentrism in early and late adolescence* / R.D. Enright, D.K. Lapsley, D.G. Shukla // *Adolescence*. – 1979. – V. 14. – № 56. – P. 687–695.
14. Enright, R.D. *Adolescent egocentrism – sociocentrism and self-consciousness* / R.D. Enright, D.C. Shukla, D.K. Lapsley // *Journal of youth and adolescence*. – 1980. – V. 9. – № 2. – P. 101–116.
15. Lapsley, D.K. *Egocentrism theory and the «new look» at the imaginary audience and personal fable in adolescence* / D.K. Lapsley // *Encyclopedia of adolescence* / ed. by R.M. Lerner., A.C. Petersen, J. Brooks-Gunn. – New York: Garland, 1991. – P. 281–286.
16. Marcia, J.E. *Development and validation of ego identity status* / J.E. Marcia // *Journal of personality and social psychology*. – 1966. – № 3 (5). – P. 551–558.
17. Marcia, J.E. *Identity six years after: a follow up study* / J.E. Marcia // *Journal of youth and adolescence*. – 1976. – №5. – P. 145–160.
18. Marcia, J.E. *Identity in adolescence* / J.E. Marcia // *Handbook of adolescent psychology* / ed. by J. Adelson. – New York, 1980.
19. Waterman, A.S. *Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and a review of research* / A.S. Waterman. – *Developmental psychology*. – 1980. – P. 341–358.

Поступила в редакцию 15 февраля 2009 г.

Анненкова Наталия Викторовна. Доцент кафедры «Прикладная психология» Финансовой академии при Правительстве РФ: n_annenkova@mail.ru.

Natalia V. Annenkova. PhD in psychology, associate professor of Applied psychology department, Finance Academy under the Government of the Russian Federation: n_annenkova@mail.ru.